

Добрый принц

Воля Рока начала осуществляться гораздо раньше, чем все ее сложные и разнообразные усилия сошлись в одной точке – в пуле, смертельно ранившей поэта.

Осенью 1833 г. в Берлине «молодой человек живого и независимого характера», как пишет о нем биограф, двадцатилетний француз родом из Кольмара по имени Жорж Шарль Дантес получил рекомендательное письмо в Россию на имя директора Канцелярии военного министерства графа Владимира Адлерберга. Письмо было подписано принцем Вильгельмом Прусским, к которому Дантес явился по протекции своих германских родственников искать «счастья и чинов». На родине он уже не мог найти ни того, ни другого. Июльская революция во Франции 1830 года заставила Дантеса, приверженца законной династии Бурбонов, покинуть элитарную военную школу Сен-Сир, сулившую ему офицерский чин. Однако и принц Вильгельм не мог ему дать желанного чина, пообещав только – унтера. Слишком мало Дантес проучился в военной школе – меньше года.

Но совет принц Вильгельм дал Дантесу охотно. Ехать в Россию! И этот совет вместе с рекомендательным письмом был одним из наиболее важных усилий той воли, которая тщательно выстраивала свой трагический и хитросплетенный сюжет.

Воскрешение в гостинице

Точное направление – Россия, Петербург – было выбрано. Но на что мог рассчитывать Дантес, а вместе с ним и воля рока, направлявшая его?

Едва ли граф Адлерберг предложил бы юному иностранцу нечто большее, чем принц Вильгельм. Положение Дантеса было плачевным. Отец – обедневший эльзасский барон с шестью детьми на руках – был в состоянии снабдить сына лишь суммой в 200 франков ежемесячно тогда как на офицерскую жизнь в пышном Петербурге требовалась 1000. Русского языка Дантес совершенно не знал. Военными науками не владел в той мере, чтобы сдать экзамен в Военной академии и получить «офицерские патенты». При таких препятствиях не могло быть и речи, чтобы Дантес вошел туда, где он мог бы столкнуться на равных с семьей, с друзьями и врагами Пушкина – в столичный высший свет. Письма было мало. Нужно было что-то еще. И это «что-то» незамедлительно является. Рок одним махом устраняет неодолимые препятствия, пуская в ход свое непобедимое оружие – фантастический случай!

Осенью 1833 года, когда Дантес, как бы чего-то дожидаясь, все еще скитается по Германии, в дело вводится новый персонаж – барон Луи Борхард де Геккерен. Он – нидерландский посол при русском дворе в Петербурге. Он одинок. Он благостно богат. Он принадлежит к одной из самых знатных голландских фамилий. У него надежные и обширные связи в вельможных кругах русской столицы. И он вдруг попадает – этак нечаянно, проездом, возвращаясь из отпуска на службу в Петербург, – именно в тот «маленький захолустный» городок Германии, где находится Дантес. А очутившись в этом городке, посол останавливается именно в той «скромной гостинице», где в дешевом номере, уже не помышляя ни о чинах, ни о России, лежит на кровати одинокий француз «с грозным признаком смерти у изголовья». Француза сразила жестокая простуда. Соединившись с его безденежьем и беспомощностью, она уже развилась в тяжелое воспаление легких. Дантес тает на глазах. Он уже должен исчезнуть из жизни, а заодно и из истории, не достигнув заснеженной поляны под Петербургом, близ Черной речки.

Но вот хозяин гостиницы – тоже случайно, за ужином – рассказывает барону с сочувственными вздохами об умирающем постояльце. Барон скуки ради решает взглянуть на бедолагу. И эта нужная встреча, искусно и настойчиво сотворенная Роком, происходит.

Впрочем, какое дело королевскому посланнику до умирающего скитальца француза. Ну, взглянул; ну, подал из милости на лекарства. И ушел. Но нет! Воля Рока предусмотрела всё. Ей, конечно, известно, что юный Дантес до крайности, до некоторой даже женственности, красив. И ей известно также – как известно это и всему петербургскому свету, – что барон Геккерен страстный гомосексуалист. Никаких случайностей случай не допускает. Сорокадвухлетний барон с первого же взгляда, охваченный и светлой нежностью, и темной похотью, отчаянно влюбляется в очаровательного юношу. Отложив свой отъезд из захолустного городка, посол самолично ухаживает за Дантесом, ставит его на ноги и, зная о его намерениях попытаться счастья на чужбине, предлагает ему ехать в Петербург с ним и под его покровительством.

Вот теперь всё слажено. Теперь – в Россию!

Ропот гвардии

В октябре 1833 года Дантеса и Геккерена доставил в Кронштадт пароход «Николай I». А вскоре, когда Геккерен, исполняя мечту своего возлюбленного об офицерском чине, пускает в ход высокие связи, в судьбе Дантеса принимает участие и человек Николай I.

В январе 1834 года по повелению Николая Дантес был допущен к офицерским экзаменам. Три из них: по русской словесности, уставу и военному судопроизводству, – те, которые могли бы воспрепятствовать замыслам Рока, если бы Дантес явился в Россию без нежного и влиятельного покровителя, – Дантесу было разрешено не сдавать. Зимой 1834 года он стал офицером. Да еще каким офицером! Корнетом самого блистательного полка: Кавалергардского Ее Величества.

И вот теперь зловещая звезда уже восходила на петербургском горизонте, становясь различимой для Александра Сергеевича. Она, конечно, была еще тусклой, едва лишь приметной. Но Пушкин уже знал ее имя. «Барон Дантес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию офицерами. Гвардия ропщет», – записал он 26 января 1834 года в своем дневнике.

Сивилла Флорентийская

Между тем в жизни самого Пушкина еще до приезда Дантеса развивалась, устремляясь к единой финальной точке, намеченной Роком, другая линия безжалостного сюжета.

18 февраля 1831 года после долгих и сложных перипетий сватовства состоялась свадьба Пушкина и Натальи Николаевны Гончаровой. Красота этой юной, девятнадцатилетней «богини» была такова, что даже признанные очаровательницы Петербурга не в состоянии были испытывать к Наталье Николаевне ни чувства зависти, ни чувства соперничества. Ее облик вызывал лишь полный и искренний восторг. О нем говорили, не жалея эпитетов – «небесный», «поэтический», «несравненный», – как о чем-то не принадлежащем земной суетной жизни и даже самой Наталье Николаевне. «Это – образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием Творца», – записала в дневнике внука Кутузова, графиня Дарья Фикельмон.

Такой, наверное, и должна была быть жена поэта. Но жена не здешняя, не земная. Здешнюю и земную в ней разглядел поэт Василий Туманский, приятель Пушкина, посетивший новобрачных в Москве: «Пушкина – беленькая, чистенькая девочка, с правильными чертами лица и лукавыми глазами, как у любой гризетки». Все остальные – и приятели, и друзья – только восхищались. Но восхищаясь, почему-то упорно отговаривали Пушкина от этого брака. Разумных причин тому выдвигали немало. Одни, самые близкие, такие, как князь Петр Вяземский, заботились о его холостяцкой свободе и преданности музам. Другие указывали на значительную разницу в годах и – неизмеримую – в жизненном опыте. Разница же в наружности («смесь обезьяны с тигром» было лицейское прозвище Пушкина) смущала всех, не исключая и самого Александра Сергеевича. «Пушкин не любил стоять рядом со своей женой и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом», – вспоминал Вяземский.

И все же только пронизательная Дарья Фикельмон, прозванная «Сивиллой Флорентийской» за свою способность предугадывать будущее, с нечаянной внятностью высказала то, что, быть может, мучительно и безотчетно ощущали близкие друзья Пушкина, улавливая краем глаза в кутерьме житейских событий почерк Провидения. «Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике – эта женщина не будет счастлива, я в том уверена! Она носит на челе печать страдания», – записала Сивилла в своем дневнике 12 ноября 1831 года.

Никаких страданий тогда еще не было. Напротив! Все складывалось блестяще.

После переезда Пушкиных из Москвы в Петербург Наталья Николаевна была с восторгом принята при дворе. Шаг за шагом, бал за балом она завоевывала Северную столицу, обвораживая всех – от юнкера до царя, от провинциальной графинички до императрицы. Ее обожали, в нее влюблялись, ее боготворили, и это с каждым бальным сезоном все больше и больше развивало ее склонность к кокетству; льстило ее женскому тщеславию. «Ты, кажется, не путем искокетничалась <...> Ты радуешься, что за тобою, как за сучкою, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Прасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что де я большая охотница», – писал ей Пушкин, любя ее, впрочем, с безграничным доверием.

К 1836 году в Петербурге уже не было дамы или девицы, которая могла бы сравниться с Натальей Николаевной по успехам в высшем свете и по количеству тайно страдающих поклонников.

Метаморфоза кавалергарда

Тем временем и звезда Дантеса, которого Рок, оберегая свой замысел, наделил невероятной, не знающей осечек везучестью, поднималась в зенит.

Мало того, что он был принят в гвардейский полк сразу же офицером, что было редчайшим случаем. Вскоре корнета Дантеса переводят из запасного эскадрона в действующий – это было почти невозможно без знания русского языка, которым Дантес так и не овладел. Но всё невозможное устраняется с его пути.

В январе 1836 года Жоржа Дантеса, не смотря на множество дисциплинарных взысканий, производят в поручики. Барон Геккерен обожает своего любовника все больше и больше, щедро снабжая его деньгами и знакомствами. Но посол Геккерен – лицо официальное. И поэтому страстному обожанию нужно придать законный характер.

Весной 1836 года происходит событие, которое зажигает звезду Дантеса еще ярче. И в этом событии, как и во многих других, сделавших Дантеса Дантесом, проглядывает нечто странное.

При живом отце, французском помещике, дворянине, который к тому же в одном из своих писем в Петербург говорит об «исключительной силе уз, связующих отца с сыном», голландский посланник решает усыновить поручика русской службы.

В ответ на запрос Геккерена об усыновлении Дантес-отец пишет: «В самом деле, наблюдая внимательно за ростом привязанности, которую мой ребенок внушил вам...» Вот тут бы Жозефу Конраду и отка-

заться деликатно от этого обидного, если уж не загадочного, предложения. Но нет, «связующие узы» послушно устраняются из отцовского сердца. И Жозеф Конрад «спешит сообщить» Геккерену о другом отказе: «я отказываюсь от всех моих отцовских прав на Жоржа Шарля Дантеса и в то же время разрешаю вам усыновить его в качестве вашего сына...»

На усыновление дают согласие – тоже без малейших заминок – голландский король и русский император. И в мае 1836 года Жорж Дантес, превратившись в Жоржа Геккерена, принимает титул, герб и наследные права на состояние нидерландского посланника.

С этого времени в Петербурге уже нет «модного человека», равного Дантесу, который и до своей сиятельной метаморфозы был, по свидетельству полковых друзей, «избалован постоянным успехом в дамском обществе». Щегольское остроумие, обворожительное лицо, высокий рост... «Красивый, можно даже сказать блестяще красивый кавалергард», – говорит о нем князь Владимир Трубецкой. Как и юная Пушкина, Дантес шаг за шагом, раут за раутом покоряет гостиные и салоны вельможного Петербурга, где все от него в восторге. К 1836 году он дружески вхож во все те дома – Карамзиных, Вяземских, Хитрово, Виельгорских, Фикельмонов, Воронцовых, – где часто бывает чета Пушкиных.

Он вхож в круг жизни Пушкина. Линии рокового сюжета сплетаются.

Пляска смерти

Когда Пушкин на одном из светских раутов, куда он приехал вместе с женой и ее незамужними сестрами, Екатериной и Александрой, впервые увидел Дантеса, Дантес ему понравился.

Госпожу Пушкину Дантес, пользуясь выражением Геккерена, «отличил в свете» незамедлительно. «Отличила» его и она.

На упорные и открытые ухаживания Дантеса в зимний бальный сезон 1836 года Наталья Николаевна ответила таким приветливым поощрением, каким она еще не отвечала ни одному из своих поклонников. В свете недолго говорили об одной только «страстной любви» Дантеса и об одном только «легкомысленном кокетстве» Натальи Николаевны. Очень скоро произошло то, что высказал о своей жене и Дантесе сам Пушкин: «Il l'a troublé»*. Все гостиные и салоны Петербурга наполнились толками о взаимности чувств Дантеса и Пушкиной. Свет принялся следить за их романом с игривым наслаждением – во все лорнеты. Сплетни и слухи жестоко терзали Александра Сергеевича, защищавшегося от них только работой и верой в непогрешимость супруги. Но временами он с трудом мог совладать со своею пылкой, ревливой натурой. На званных вечерах при появлении Дантеса он то мрачнел, то нервно хохотал. А роковой сюжет тем временем неуклонно развивался.

В феврале 1836 года между Дантесом и Натальей Николаевной происходит объяснение в любви, о чем Дантес с восторгом сообщает Геккерену, отлучившемуся в Гаагу. В письме к барону он приводит слова Пушкиной: «я люблю вас как никогда не любила, но не просите у меня никогда ничего большего, чем мое сердце, потому что всё остальное мне не принадлежит...»

Геккерен, вернувшись в Петербург, вдруг с необычайным рвением вмешивается в роман своего возлюбленного для того, чтоб устроить ему как раз вот это – «все остальное».

* «Он ее взволновал» (фр.).

Взявшись за роль сводника, он преследует Пушкину повсюду. Перехватывает ее то в одном, то в другом бальном зале и, наклоняясь к ее уху, жарко шепчет ей под звуки мазурки о необыкновенных страданиях «сына»; о его «тяжелой болезни», будто бы вызванной любовными муками; о его готовности расстаться с жизнью за один только краткий миг близости с нею! Она должна подарить ему этот миг ради спасения его юной жизни – Геккерен просит, заклинает, умоляет... Зачем? Здесь сказывается вся хитрость отношений между гомосексуальным Геккереном и бисексуальным Дантесом. Геккерена уже давно раздражает это увлечение, отнимающее у него немалую долю любовного пыла партнера. Если же Геккерен поможет Дантесу добиться от Пушкиной «остального», то при умелой огласке дела, которую опытный дипломат, конечно же, обеспечит, Пушкина, покрытая позором, будет неизбежно отлучена от петербургского света, а значит и от Дантеса, не важно кем – обманутым мужем или самим светом.

Но изощренные старания Геккерена не достигают цели. Что-то не складывается в роковом сюжете. Лишь бледные фантомы ангела смерти кружатся над поэтом. В течение 1836 года Пушкин трижды по разным причинам (литературным, условно светским) вступает в дуэльные отношения: с генералом Репниным, с отставным гусаром Хлюстиным, с графом Соллогубом. Никто из них, свидетельствуют письма и мемуары, стрелять в Пушкина, если бы дело дошло до барьера, не собирался. Подлинный ангел смерти ждал нового поворота событий.

И поворот случился.

Его осуществление было возложено на побочную дочь графа Строганова Идалию Полетику, питавшую по каким то мотивам (до конца неясным ни одному исследователю) столь бешеную ненависть к поэту, что на старости лет, живя в Одессе, она помышляла плюнуть в установленный там ему памятник...

«Всё остановить»

2 ноября 1836 года Идалия Полетика приглашает Наталью Николаевну на свою квартиру в Кавалергардских казармах – пообедать, поболтать... Пушкина едет.

Очувтившись в безмолвной квартире, она проходит в комнату Идалии. Но вместо приятельницы ее ждет там Дантес. Выхватив пистолет, он падает на колени, приставляет дуло к виску и грозит застрелиться на ее глазах, если она сию же минуту не согласится на то, о чем ее умолял его приемный «отец». Положение ее безвыходно. Дантес держит напряженный палец на курке. От отчаяния она громко вскрикивает. И на ее крик в комнату забегают горничная. Воспользовавшись ее появлением, Пушкина быстро покидает квартиру.

Так ли все было, как сообщают осведомленные мемуаристы, или иначе – не имеет значения. Это была западня! Свидание Дантеса и Пушкиной наедине в казарменной квартире (муж Идалии был кавалергардским ротмистром) состоялось. И сам этот факт давал барону Геккерену то, чего он желал.

Утром 4 ноября шесть адресатов – братья Россеты, граф Соллогуб, семьи Вяземских, Карамзиных, Виельгорских и Хитрово – получают по городской почте в двойном конверте (внутренний – на имя Пушкина) единообразный анонимный пасквиль – шутовской «диплом», в

котором Пушкин назван новым членом («коадьютором» и «историографом») «ордена рогоносцев». Точно такой же экземпляр получает в это утро и сам Александр Сергеевич.

Дело сделано. Барону Геккерену остается только ждать тех мер (удаление, деревня, что угодно!), которые будут приняты к Пушкиной.

Но от того, что произошло, Геккерена бросило в холодный пот.

4 ноября, после откровенного разговора с Натальей Николаевной, в котором она рассказала ему и о преследованиях Геккерена и о подстроенном свидании, Пушкин посылает по почте на Невский проспект в особняк нидерландского посольства вызов на имя Жоржа Дантеса. 5 ноября письмо пришло. Но Дантеса дома не было, он дежурил в дивизионе. И письмо распечатал барон Геккерен... Дуэль!! На это он никак не рассчитывал. Это скандал, это конец его карьере... А его возлюбленный?!.. Даже при удачном исходе поединка Геккерен теряет его: Дантесу грозит в лучшем случае разжалование и ссылка, в худшем (по букве закона) – повешение! Голова барона идет кругом. Но в кружении страшных мыслей вдруг мелькает одна – спасительная. В письме Пушкина нет ни малейшего оскорбления, которое делало бы дуэль неизбежной, не указана и причина – один только вызов!

В тот же день, дождавшись Дантеса и запретив ему вмешиваться в дело, барон сам едет к Пушкину. Он объявляет Александру Сергеевичу, что «сын» еще не знает о письме, но что барон принимает вызов от его имени: Дантес будет драться. Однако Геккерен просит пощадить его «отцовское» сердце – дать 24 часа отсрочки! И Александр Сергеевич дает отсрочку. Она-то и нужна была нидерландскому посланнику, который хорошо знал, как дорожат здесь друзья этим «потомком одного африканского негра», как выразился он в своем письме в Голландию. Кто-нибудь из них обязательно явится, чтоб затушить пожар. И барон не ошибся.

На следующий день, 6 ноября, когда Геккерен снова приехал к Пушкину просить о новой, двухнедельной, отсрочке, он уже застал в его квартире на Мойке поэта Жуковского, которого Наталья Николаевна срочно вызвала из Царского Села, где тот постоянно жил, воспитывая цесаревича.

«...всё остановить...» – записал Жуковский 7 ноября в своих конспективных заметках.

В этот день он уже вступил в переговоры с Геккереном. И барон, пользуясь тем, что Жуковский был далек от светских интриг и слухов, предпринимает такой ход, которого не ожидал никто, включая и Дантеса.

Он объявляет Жуковскому, что Дантес на самом деле горячо влюблен в старшую сестру Пушкиной – Екатерину Гончарову. Мало того, «сын» мечтает на ней жениться! И барон готов дать согласие на этот брак, если, конечно, Пушкин возьмет назад свой вызов. Но сделать он это должен не на том основании, что Дантес намерен жениться на его свояченице – женитьба в таком случае будет выглядеть трусливым спасением от поединка, – а просто так: возьмет назад, и всё!

Воодушевленный этим «открытием», Жуковский едет с Невского на Мойку, чтобы успокоить Александра Сергеевича и обрадовать Екатерину, засидевшуюся в девицах и, разумеется, безумно влюбленную, как и многие барышни, в «блестяще красивого кавалергарда».

Но на это сообщение Пушкин отвечает с таким бешенством, что Жуковскому становится ясно – «всё остановить» невозможно. Теперь

Александр Сергеевич еще более непреклонно желает драться. Мысль о женитьбе, ничем официально не подтвержденная, это только подлая уловка: как только он возьмет вызов назад, женитьба будет отменена, объясняет он Жуковскому.

В последующую неделю Жуковский убеждается, что именно так и замыслил Геккерен. Во время новых переговоров, к которым уже привлечена и тетка Натальи Николаевны, фрейлина Екатерина Загряжская, барон упорно увиливает от официальных подтверждений.

Только 14 ноября, напуганный решительностью Пушкина, Геккерен в присутствии свидетелей вынужден объявить Александру Сергеевичу о намерениях Дантеса жениться на Екатерине Гончаровой. В ответ на это Пушкин вручает барону письменный отказ от вызова. Александр Сергеевич удовлетворен – низость Дантеса, вступающего в брак с нелюбимой женщиной под угрозой дуэли, доказана – и Наталье Николаевне, и светским друзьям. Дело улаживается – «всё останавливается».

Но вдруг в эту жестокую игру мести и пыла Рок вводит свою козырную карту – Дантеса. До того момента, пока он не получил письмо от Пушкина, он никак не заявлял о себе, во всем подчиняясь барону. Но в письме Пушкин подчеркнуто объяснял свой отказ от вызова сватовством Дантеса, и всю унижительность для него такой постановки вопроса («жениться или драться») Дантес хорошо понимал. Обиженный, он решил действовать сам.

Утром 16 ноября он послал к Пушкину своего секунданта, секретаря французского посольства виконта д'Аршиака, с указаниями добиться от Пушкина другой формулировки отказа – без упоминания женитьбы на m^{lle} Гончаровой. В противном случае Дантес – «к его услугам».

Приступ бешенства, вызванный у Александра Сергеевича этим визитом, не шел ни в какое сравнение с прежним. «Ступайте завтра к д'Аршиаку. Условьтесь с ним только на счет материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь», – сказал он 16 ноября за обедом у Карамзиных своему секунданту графу Владимиру Соллогубу (тому самому, с которым он несколько месяцев назад мог оказаться у барьера, и который собирался выстрелить вверх, потому что «смотрел на Пушкина, как на бога»). Свои указания Александр Сергеевич произнес таким тоном, что Соллогуб онемел.

В отчаянии был и Жуковский: «Снова дуэль. Секундант».

К д'Аршиаку после бессонной ночи Соллогуб явился разбитый и подавленный. Его удивило, что и д'Аршиак тоже не спал. Еще больше его удивили слова д'Аршиака, сказавшего, что он «хотя не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских». Явственно мелькнула надежда. Секунданты взялись тщательно изучать дуэльные документы. Шаг за шагом завязались переговоры, переписка.

К концу ноября усилиями друзей, стараниями Соллогуба и самого д'Аршиака, принявшего без совета с Дантесом заново сформулированный отказ от вызова, где по прежнему упоминалось сватовство Дантеса, «всё остановить» удалось.

10 января 1837 года состоялась свадьба Дантеса и Екатерины Гончаровой.

Отсутствие прямых оскорблений, вмешательство друзей, затяжные переговоры – все эти «ошибки» впоследствии были учтены волей Рока. Это была репетиция. В смертельной премьере события разыгрались с фантастической слаженностью и быстротой.

Путь к разгадке

В январе Петербург закружило балами. Они вспыхивали, зажигая окна вельможных домов, один за другим – у Строганова, у Вяземских, в Дворянском собрании, в саксонском посольстве, у Фикельмонов, у Воронцовых, у Мещерских.

И на всех этих балах, куда Александр Сергеевич сопровождал супругу, он вынужден был встречаться с новобрачной четой, – дома он не принимал ни Дантеса, ни Геккерена, заявив о невозможности отношений с этими «родственниками». А между тем следы ноябрьской бури уже улетучивались из ветреной головы Натальи Николаевны. Она снова взялась одаривать на балах Дантеса смущенными улыбками и кокетливыми взглядами, не обращая внимания на другие взгляды, – ревнивые и угрюмые, – своей сестры.

В сердце же Александра Сергеевича вновь открывались едва зажившие раны. Женитьба Дантеса, поначалу всех ошеломившая и заставившая сомневаться в его благородстве и способности любить (госпожу Пушкину или кого бы то ни было), вдруг получает в свете иное толкование. Геккерен и Дантес всеми средствами – через полковых друзей Дантеса, светских дам, посольских чиновников – распространяют слух, будто Дантес только потому и женился на нелюбимой женщине, чтобы спасти любимую – от бесчестья и злой расправы ревнивого мужа. Для подтверждения этой версии Дантес на балах с еще более дерзкой открытостью, чем до женитьбы, ухаживает за Пушкиной – танцует только с ней; обволакивает «жаркими и долгими взглядами» только ее; беседует, каламбурит, шутит только на радость Натали. И общество охотно принимает романтическую версию. Александр Сергеевич видит, как рушатся на глазах плоды его победы, добытой нервами, гордостью и мужеством. Удушливые сплетни, ядовитые ухмылки, жалающие лорнеты – всё возвращается, как неотступный кошмар. Клевета уже не отравляет, а сотрясает всю его кровь, доставляя на раутах зрителям увлекательное зрелище: «снова начались кривляния ярости и поэтического гнева», – пишет Софья Карамзина.

Что свело эти «кривляния» в единый порыв навстречу роковой воле – приезд ли тригорских подруг Пушкина Евпраксии Вревской и Анны Вульф, которые рассказали ему, что и в провинции верят петербургским слухам, замечание ли царя, пососоветовавшего Наталье Николаевне «быть как можно осторожней и беречь свою репутацию», или особенная развязность Дантеса на балу у княгини Мещерской 24 января, – исследователям точно не известно.

С 26 января 1837 года события понеслись вихрем.

Утром в этот день Александр Сергеевич отправляет барону Луи Геккерену письмо. Содержание его выходило «из пределов возможного», как выразился сам Геккерен. Это было полное уничтожение: «Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну <...> Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына». О самом же «сыне» в письме говорилось, что «он просто плут и подлец». Такие оскорбления надежно

исключали любые переговоры, кроме формальных – «о материальной стороне дуэли».

Вечером того же дня секундант Геккеренов виконт д'Аршиак уже был у Александра Сергеевича с письменным вызовом от барона, из которого следовало, что драться будет – и за себя, и за «отца» – Дантес. Вызов был принят. Д'Аршиак объявил, что он ждет секунданта, чтобы условиться о месте и времени поединка.

Секундант Пушкину нужен был особенный. Никого из близких друзей, кто пустился бы «принимать меры», он уже не желал посвящать в дело. Теперь он должен был остаться один на один с волей Рока, с некоей возвышающей силой – с «фаталитетом, который невозможно объяснить», как скажет потом князь Вяземский. Для Александра Сергеевича в этот день уже что-то объяснялось: слишком настойчиво врывался в его жизнь предначертанный сюжет. Все, кто видел Пушкина вечером 26 января на балу у графини Разумовской, где он втайне подыскивал себе секунданта, поражались его веселости, блистательности, легкости... Секунданта здесь он не нашел. Англичанин Артур Меджнис, к которому он обратился, вежливо отказал.

На следующий день, 27 января, Пушкин встал в 8 часов утра в еще более приподнятом и бодром расположении духа, чем накануне, «после чаю много писал – часу до 11-го. С 11 обед. – Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни», – записал потом в конспективных заметках со слов домашних Жуковский. Веселости Александру Сергеевичу придавало и то обстоятельство, что он вдруг вспомнил о своем старом лицейском товарище Константине Данзасе. Вот этот скромный и благородный служака, инженер-подполковник «самых честных правил», подходил в секунданты лучше всех! Пушкин послал за ним.

В 12 часов Данзас подъехал к дому на Мойке. Увидев его в окно, Александр Сергеевич сам выскочил к входным дверям, радостно встретил его, провел в кабинет и заперся с ним там, – вероятно, взял с него слово чести не разглашать дела. Через несколько минут Данзас вышел из кабинета и отправился по указанию Пушкина в оружейный магазин Куракина за пистолетами.

Ровно в час дня из дома вышел и сам Александр Сергеевич. Он взял извозчика; в условленном месте подобрал в сани Данзаса, уже выкупившего оружие, и они поехали на Большую Миллионную во французское посольство к виконту д'Аршиаку. Здесь Пушкин представил виконту своего секунданта и, высказав твердое намерение стреляться сегодня же, уехал.

Он дожидался Данзаса в кондитерской Вольфа, пока Данзас составлял с виконтом условия поединка. К половине третьего все уже было оговорено и записано. Расстояние между барьерами – десять шагов. Права первого выстрела нет ни у кого. Противники по знаку сходятся – у каждого по пять шагов – и в любой момент, не переступая барьера, стреляют. Место – за Черной речкой возле Комендантской дачи, время – пятый час пополудни.

Около четырех часов Данзас приехал в кондитерскую Вольфа. Александр Сергеевич спокойно пил лимонад. Необыкновенно спокоен он был и в дороге. Когда переезжали в санях через Неву, спросил у Данзаса: «Не в крепость ли ты везешь меня?» Данзас ответил серьезно: «Нет, через крепость на Черную речку самая близкая дорога». Пушкин, конечно, шутил. Никто уже не мог «всё остановить». Воля Рока, открываясь ему, превращалась в его собственную волю, и теперь это

уже была не зловещая и жестокая сила, а светлая и ясная – проясняющаяся – воля его судьбы.

На место прибыли в половине пятого. Ровно в то же время приехали Дантес и д'Аршиак. Вытаскивали безветренную поляну среди кустов. Снега было очень много. Три человека – Данзас, д'Аршиак и Дантес – упорно трудились, вытаптывая барьерный коридор, тропинку. Пушкин в медвежьей шубе сидел на сугробе – «был столь же покоен, как и во все время пути», замечает Данзас. На вопрос секунданта, подходит ли выбранное место, отвечал: «Мне это совершенно безразлично, только постарайтесь сделать все возможно скорее».

Барьеры отметили шинелями Данзаса и д'Аршиака. Секунданты зарядили пистолеты. Поставили противников. Подали им оружие. Данзас снял шляпу, подержал ее высоко над головой. Махнул. Пушкин быстро подошел к барьеру. Остановился и начал наводить пистолет. Дантес на ходу – за шаг от барьера – выстрелил... Пуля, завершая свой длительный и запутанный полет сквозь времена и события, наконец остановилась. Вошла в живот, перебила вену, скользнула по окружности тазовой кости и ударила в крестец, раздробив его на осколки... Ранение было не только «безусловно смертельным», как потом определили врачи, но и в высшей степени мучительным... Александр Сергеевич упал на шинель Данзаса и лежал неподвижно. К нему бросились секунданты. Двинулся в его сторону и Дантес. Но Пушкин тут же остановил его, сказав по-французски: «Подождите! у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел». Вернувшись на место, Дантес стал правым боком к барьеру. Согнутой рукой прикрыл грудь. Данзас подал Пушкину другой пистолет: дуло первого при падении забилося снегом. Александр Сергеевич приподнялся на левой руке. Точно и неподвижно нацелил пистолет в Дантеса. Выстрелил. Дантес упал. Пушкин отбросил пистолет. Воскликнул «Браво!», полагая, что Дантес убит.

Что-то было в этом знаменитом восклицании – последние отголоски зрелищной и мучительной суеты бытия, уже отлетавшей от Пушкина. В следующее мгновение он начал прозревать нечто необыкновенное – непричастность Дантеса к свершившемуся. «Странно! Я думал, что его смерть доставит мне удовольствие, но теперь я чувствую, что это почти огорчает меня», – произнес Пушкин.

Дантес не был убит. Пуля ниже локтя насквозь прострелила руку... Мысль об убийстве не должна была примешиваться к страшным физическим страданиям Пушкина в те двое суток перед кончиной, последовавшей 29 января 1837 года в 2.30 пополудни.

Высокая и светлая воля защитила его от нравственных мук – подставила под пулю, летевшую сквозь руку в печень Дантеса, серебряную пуговицу от подтяжек.

Через несколько месяцев высланный из России Дантес в Баден-Бадене, как пишет встретивший его там Андрей Карамзин, «с кавалергардскими ухватками предводительствовал мазуркой и котильоном».

Эта была не его дуэль.

Она целиком принадлежала только судьбе Пушкина. Всех, кто видел его смерть, поражало выражение «божественного спокойствия» на его лице. Жуковский об этом выражении сказал более определенно: «Великая, радостно угаданная мысль».